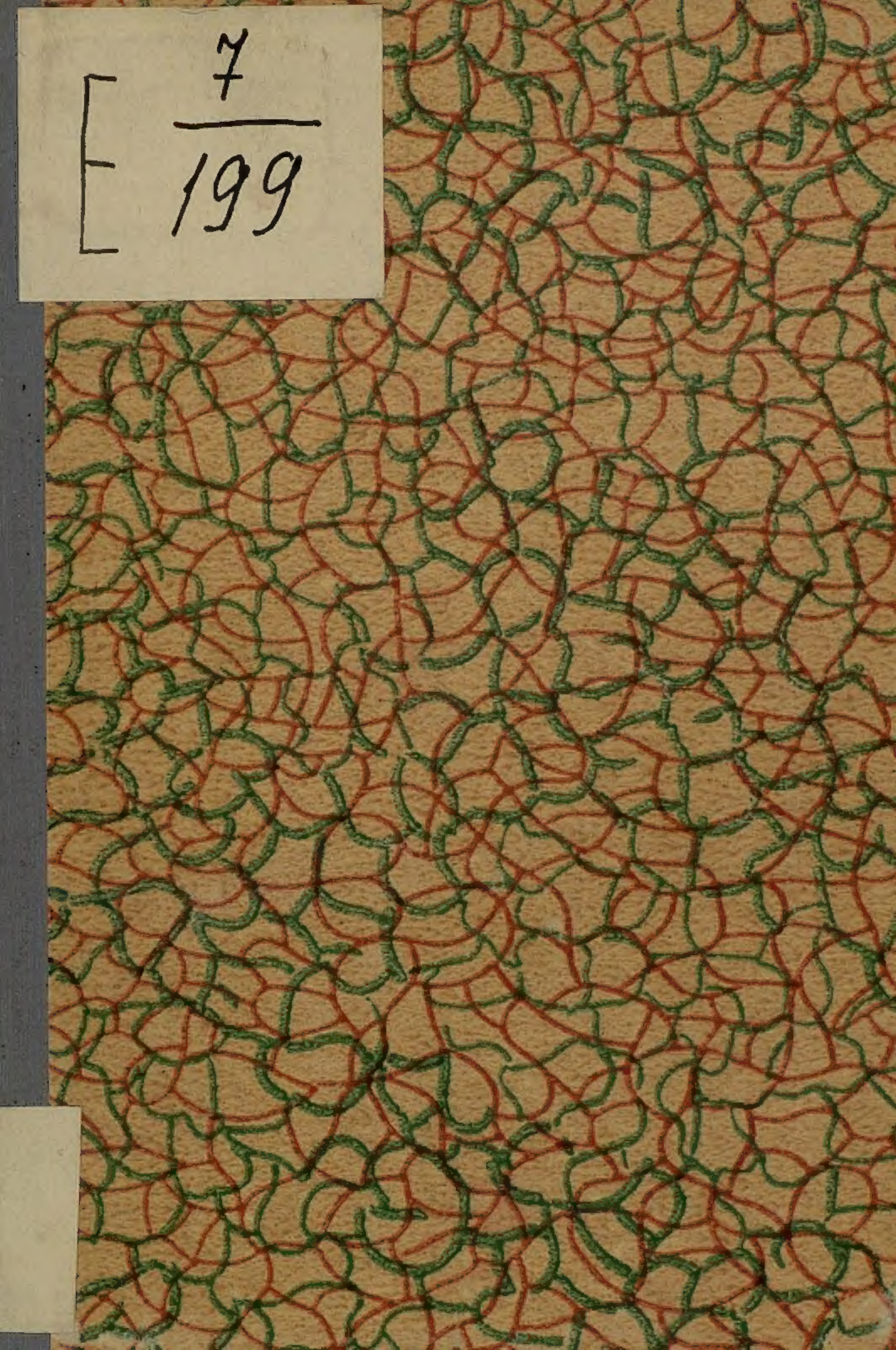

E 7/199

ОБЪ ИМЕНИ ЧЕЛОВѢКЪ.

М. Максимовича.

Михайлова гора надъ Днѣпромъ, Дек. 1845 года.

Печатать позволяется. Москва, Марта 11 дня, 1846 года.

Цензоръ И. Снегиревъ.

Симъ свидѣтельствую что сія книжка съ одобреннымъ цензурною Корректурнымъ листомъ напечатана сходно во всемъ.

А. Семенъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ОБЪ ИМЕНИ ЧЕЛОВѢКЪ.

1.—«Чтó есть человѣкъ, яко помниши его? . . »

На этотъ близкій для каждаго вопросъ, человѣкъ давно уже отвѣчалъ себѣ, и собственнымъ самопознаніемъ, и откровеніемъ Высшей Премудрости. Но чтó значитъ имя Человѣкъ? съ какимъ понятіемъ оно образовалось въ языкѣ нашихъ праотцевъ? . . На это филологія наша не дала еще отвѣта окончательнаго.—

Такъ просто казалось и кажется, что имя человѣкъ сложено изъ двухъ—*чело* и *вѣкъ*. Но по какому понятію они сошлись въ одно? Это такъ не ясно, что и самое производство отъ нихъ не принято и даже признано страннымъ. Надъ нимъ взяло верхъ другое: производство отъ имени *слово*.—

Глаголевъ (въ Основаніяхъ Словесности, 1834. I. 12) говоритъ, что имя «человѣкъ—значитъ какъ-бы тоже, что *словакъ* или *словесный*». Оно и въ самомъ дѣлѣ какъ-бы тоже, по своему значенію. Но «*чиово* вмѣсто *слово* не принадлежитъ никакому Славянскому нарѣчію». Это замѣтила Глаголеву Россійская Академія; однако онъ, сославшись на Сравнительный Словарь, гдѣ поставлено «по-Вендски

Члово вмѣсто слово», и признавъ это не ошибочнымъ, остался при своемъ.—

Тоже мнѣніе, и еще остроумнѣе, представлено было Сенковскимъ (въ Библ. для Чт. 1834 т. I.). Онъ говорилъ, что имя человѣкъ въ Восточныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ слишкомъ отдалилось отъ своей первоначальной формы—*Словѣкъ*: что оно— «очевидно есть ни что иное какъ Словакъ или Шловакъ; очевидно происходитъ отъ корня *слово*, и значитъ лице говорящее словомъ, знающее слово, составляя противоположность съ рѣченіемъ *Нѣмецъ*, то есть, лицемъ не знающимъ слова, не умѣющимъ объясниться внятно, нѣмымъ.» На такомъ основаніи Сенковскій нѣкоторое время, вмѣсто Славяне, писалъ Человѣки.—

Чего бы и лучше для имени *человѣкъ*, какъ происхожденіе отъ слова! И для имени Славянинъ хорошо бы значить тоже, что человѣкъ. По своему значенію они и дѣйствительно близки другъ къ другу. Но производство имени *человѣкъ* отъ корня *слово* выходитъ изъ предѣловъ филологической возможности.—

2.—Не только въ Рускихъ, но и въ Западно-Славянскихъ нарѣчіяхъ, имя человѣкъ господствуетъ издревле съ начальнымъ звукомъ *Ч*. Его удерживаютъ въ этомъ имени нерѣдко и тѣ нарѣчія, которыя въ другихъ словахъ такъ охотно мѣняютъ *ч* на *ц* или *ть*. Потому произношеніе имени Человѣкъ съ начальнымъ звукомъ *ч*, можно считать первообразнымъ въ Славянской рѣчи; или, другими словами, звукъ *ч* въ этомъ имени есть коренной. Наши Рязанцы, болѣе другихъ любящіе перемѣнять *ч* на *ц* (напримѣръ—*цего, цудо, сцепка*), и вмѣсто человѣкъ гово-

ратъ *целавпкъ*. Это есть уже уклоненіе отъ господствующаго Рускаго выговора,—одинаковое съ тѣмъ, какое господствующая Западнославянская форма—*чловпкъ* получила въ Полабскомъ выговорѣ—цлавакъ. Отсюда представляется возможность произойти и формѣ *словпкъ* или Словакъ, чрезъ отпаденіе *т* отъ *ц* (—тс), какое бываетъ перѣдко въ Нижнелужицкомъ выгогорѣ (на пр. пусь вмѣсто пуцъ, путь). Но формы, происшедшія такимъ путемъ нисхожденія или удаленія отъ кореннаго звука, были бы недомолвки, позднѣйшія и мѣстныя; и мнѣ не извѣстно въ какихъ именно Западнославянскихъ нарѣчіяхъ господствуютъ эти мнимо-родоначальныя формы—*словпкъ, словикъ* или *словакъ*, вмѣсто Чловѣкъ (*).—

Но если бы и допустить, что форма Словѣкъ есть первоначальная; тогда формы *чловпкъ* и *человпкъ* не только не были бы господствующими въ Славянскомъ кругу, но составляли бы еще бóльшую рѣдкость, чѣмъ теперь *словпкъ*. Ибо по законамъ звукоизмѣненія, господствующимъ въ Славянской рѣчи, звукъ *с*, принадлежащій кореннымъ Славнорускимъ словамъ, никогда кажется не переводится въ *ч* (=тш), ни грамматическими, ни діалектическими ихъ перемѣнами. Тѣмъ менѣе звукъ *с* могъ быть отступникомъ отъ этого въ имени *слово*, составляющемъ его собственное имя въ Славянской азбукѣ.—

Коренной звукъ *с* въ Славянской рѣчи переходитъ въ четыре звука: въ *з*, *ш*, *ж*, *ц* (=тс). Въ діалектическихъ разностяхъ особенно замѣтенъ второй ходъ, т. е. перемѣна *с* на *ш*; на пр. у

(*) Сколько намъ извѣстно этѣхъ формъ не существуетъ ни въ одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій. Ред.

Черногорцев *шнѣгъ* вмѣсто *снѣгъ* (какъ въ Нѣмецкой рѣчи schnee вмѣсто snee); у Камчатской Руси *башня*, *уши*, вмѣсто *басня*, *усы*. По такому ходу и народное имя Словакъ легко могло обратиться въ Шловакъ, особенно у Нѣмцевъ. Но никогда оно въ Славянскихъ устахъ не могло такъ повсемѣстно передѣлаться въ Чловакъ, Чловѣкъ, Человѣкъ.—

Происхожденіе отъ корня *слово* принадлежитъ именамъ Словѣнинъ, Славянинъ, Словакъ; а для имени человѣкъ было другое основаніе. Какое-же?—

3.—По двоякому выговору буквы *ѣ*, имя человѣкъ у Малороссіянъ и нѣкоторыхъ Новгородцевъ произносится *человикъ*, у многихъ Иллирцевъ—*чловикъ*, *човикъ*. Придержавшись этого выговора, Павскій полагаетъ, что окончательная половина въ словѣ человѣкъ составилась изъ двухъ производственныхъ слоговъ: *овъ*, *икъ*, какъ въ именахъ полевикъ, боровикъ. Что касается до начальной половины, то, по мнѣнію Павскаго, она есть тоже, что Санскритское слово *кула*—родъ, племя, народъ. Слѣдственно—говоритъ онъ—«Человѣкъ значитъ—принадлежащій къ роду, народу, или одинъ изъ народа». (II. 70).

И такъ человѣкъ значитъ—родовикъ . . . Но имя съ такимъ значеніемъ не отличаетъ человѣка отъ другихъ земнородныхъ существъ. Столько-же идетъ оно ко всякому звѣрю и гаду, ко всякому злаку и поросту; ибо каждый изъ нихъ—«по роду своему». Притомъ же сомнительно, чтобы Санскритское слово *кула* было корнемъ нашего *Челъ* имени человѣкъ. Если уже надо что нибудь произвести отъ него въ нашемъ языкѣ, то всего скорѣе можно бы поставить ему у насъ въ соотвѣтствіе корень *кол* въ словѣ колѣно, которое прямо значитъ тоже, что кула—родъ,

племя. Я даю мѣсто этой догадкѣ потому, что производство слово колѣно не рѣшено еще: Павскому всего вѣроятнѣе кажется, что оно однородно съ Нѣмецкимъ Glied; а Шимкевичъ производитъ его отъ глагола клонить.—

Еще не вѣроятнѣе, чтобы вторая половина имени человѣкъ значила *ов* *икъ*. Окончаніе *ѣкъ*, выговариваемое одними *екъ*, другими *икъ*, никогда не бываетъ производственнымъ; или, другими словами, буква *ѣ* никогда не бываетъ въ производственныхъ слогахъ *икъ*, *екъ*. Въ именахъ съ окончаніями созвучными слову человѣкъ буква *ѣ* бываетъ всегда коренною; на пр.—лѣкъ, калѣка, вѣно, вѣкъ.—

4.—Окончаніе слова человѣкъ Шимкевичъ и признаетъ *вѣкомъ*, т. е. «безконечнымъ продолженіемъ времени»; а начальная половина, по его мнѣнію, есть *челъ*--прошедшее время глагола *чну* или *чеду*, который значитъ здѣсь—дѣлаю. Слѣдовательно—говоритъ онъ—«подъ словомъ человѣкъ можно разумѣть существо, осужденное на вѣчное дѣланіе или безпрерывные труды». (Корнесл. 11. 133).—

Вѣчный дѣлатель . . . это очень можетъ идти къ человѣку, когда и одинъ изъ величайшихъ царей земныхъ, по выраженію нашего поэта—«на тронѣ вѣчный былъ работникъ».—

Но въ этомъ слово-производствѣ есть неудовлетвореніе относительно языка. Если основаніемъ служитъ здѣсь глаголъ *чну*, *чать*, или выроіценный Шимкевичемъ корень его *чеду*, *честь*; то онъ, слагаясь съ именемъ вѣкъ, образовалъ бы не человѣкъ, но—или *вѣкочелъ*, по образцу именъ старожилъ, земледѣлъ; или же *чедивѣкъ*, по образцу именъ Володиміръ, Станиславъ. Въ такомъ имени какъ

человѣкъ, геній Славянской рѣчи не могъ ослабить своего дѣла — отступленіемъ отъ привычныхъ ему способовъ словосоставленія.—

5.— Находя не возможнымъ произвесть имя человѣкъ отъ *слова*, а производство отъ *кула* и *чеду* считая сомнительнымъ, взглянемъ еще на отверженное слово *чело* (по Южнорускому, Верхнерускому и Польскому выговору—*чоло*). По чему бы оно не могло войти въ составъ имени человѣкъ?... По всѣмъ примѣтамъ геній Славянской рѣчи былъ тонкій наблюдатель видимой природы и великій художникъ въ ея изображеніи. А человѣкъ, какъ извѣстно, отъ всѣхъ животныхъ отличается своимъ возвышеннымъ челомъ, тѣмъ больше выдавшимся впередъ, чѣмъ выше и совершеннѣе порода человѣческая. Какъ много поставляли въ этомъ Греческіе художники, видно изъ того, что они своему Зевесу и другимъ богамъ давали чело, выдавшееся впередъ гораздо больше человѣческаго. Наши праотцы также могли имѣть мысль объ этомъ наружномъ или тѣлесномъ отличіи человѣка, составляющаго собою *чело* (*) всего творенія Божія въ земномъ мірѣ. По-тому очень возможно, даже естественно было этому слову войти въ названіе человѣка, для означенія видимой, съ перваго взгляда замѣтной его особенности.—

(*) Челомъ, какъ извѣстно, называлась издревле передовая часть войска (какъ и у Римлянъ frons). У Рускихъ земледѣльцевъ именемъ чело называется первое, лучшее зерно, отдѣляющееся при вѣяніи какого нибудь хлѣба. У Краинцевъ челомъ называется и лобъ и мозгъ.—

При томъ же съ именемъ *чело* соединяется понятіе мысли, счета, познанія и чести; ибо это имя въ славянской рѣчи образовалось — какъ я полагаю — отъ многозначущаго глагола *чету* (чьту или чту) *честь,* — подобно тому, какъ имена *свѣтило, крыло, било, рало, сѣдло, пéкло* (адъ), произошли отъ своихъ глаголовъ. По такому образованію отъ глагола чету, честь, который между прочимъ значитъ и думать (какъ видно изъ Рязанскаго рѣченія — *мéнь — челъ,* (*) *тé — челъ, óнъ — челъ*), имя чело значитъ орудіе и мѣсто мысли, познанія, почитанія или чести, вообще — разума и мудрости. Этимъ *чело* существенно рознится въ Славянской рѣчи отъ имени *лобъ,* которое означало собственно только костяной составъ головы, — головной черепъ (cranium). Такъ было оно сперва въ Руской рѣчи; такъ осталось и во многихъ нарѣчіяхъ Западнославянскихъ. Смѣшеніе этихъ двухъ словъ конечно произошло въ позднѣйшіе вѣка. —

Если же именемъ *чело* такъ прилично могла быть означена наружная, тѣлесная сторона человѣка; то внутренняя сторона его можетъ быть отличена именемъ *вѣкъ*, въ значеніи вѣчности, — въ томъ же смыслѣ, какъ и Карамзинъ сказалъ, что « на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго кромѣ души человѣческой. » Въ такомъ разѣ составное имя человѣкъ,

---

(*) Рѣченіе *мéнь — челъ* примѣчательно тѣмъ, что оно и въ Руской рѣчи представляетъ прямой или основный падежъ мѣстоименія *мень,* употребительнаго у насъ только въ падежахъ косвенныхъ; а въ именительномъ уступившаго свое мѣсто мѣстоименію *язъ,* (въ Церковносл., Болгар., Осетин. *азъ*) укороченному въ *я.*

двумя главными чертами, означало бы двѣ стороны человѣческаго бытія—тѣло и душу. Но составленіе слова человѣкъ съ такимъ раздѣльнымъ, искуственнымъ понятіемъ едва-ли можно приписать нашимъ праотцамъ. При томъ же имя, составленное изъ двухъ существительныхъ безъ взаимной связи, не выразительно и не въ духѣ Славянской рѣчи. Сопоставленіе двухъ именъ въ одно бываетъ тогда, когда одно изъ нихъ, особенно послѣднее, само собою уже именуетъ предметъ; на примѣръ жаръ-птица, пила-рыба, сонъ-трава.—

Обыкновеннѣе всего сложныя имена лицъ составляются изъ имени, мѣстоимѣнія, даже нарѣчія, съ прилагательнымъ, либо отглагольнымъ именемъ усѣченной формы; на примѣръ — Людмила, звѣздочётъ, пчеловодъ, верхоглядъ, доброхотъ, самолётъ, скороходъ. И я думаю, что слово *человѣкъ* принадлежитъ къ сложнымъ именамъ этого образованія, господствующаго въ рѣчи Славянской. — Если первая половина его есть существительное имя *чело*, то вторая половина *вѣкъ* весьма могла соединиться съ нимъ, какъ отглагольное усѣченное имя, вмѣсто *вѣкый*, въ значеніи вѣщій или вѣщъ: — какъ *рокъ*, въ имени пророкъ, значитъ рекый, рекущій; какъ *сѣкъ*, въ имени дровосѣкъ, значитъ сѣкый, сѣкущій, и пр.

Въ такомъ разѣ человѣкъ значитъ *челомъ-вѣщій* — тотъ, который и вѣщаетъ, и вѣдаетъ отъ чела своего, т. е. отъ разума или мудрости, которыхъ орудіемъ и мѣстомъ почиталось чело. Не этимъ-ли и отличается собственно-человѣческое вѣщаніе и вѣдѣніе отъ голоса и вѣщеванія животныхъ и природы вообще, — хоть и они не чужды человѣку, какъ мало-

му міру, соединяющему въ себѣ всѣ степени бытія и жизни.—Имя *вѣщій* заключаетъ въ себѣ двоякое понятіе: *знанія и рѣчи*; *вѣдый* и *вѣтій*. Потому-то названіе *вѣщаго* у нашей древности значило также много, какъ теперь имя великій. Оно давалось не многимъ, отборнѣйшимъ мужамъ: вѣщій Олегъ, вѣщій Боянъ; «аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ», сказано Бояномъ о Всеславѣ Полоцкомъ.

Кто соображалъ многоразличныя формы глаголовъ въ Рускихъ и Западнославянскихъ нарѣчіяхъ, по нынѣшнему и по старинному ихъ употребленію, тотъ конечно не станетъ отрицать приведенной мною формы *вѣкый*; ибо она могла быть точно также, какъ были *искый* (отъ глагола искать), *рѣкый*, и прочая. По чрезвычайной измѣняемости глаголовъ, трудно даже рѣшить, какая была основная форма глагола вѣщать (по Чешски вецети), въ корень которому у насъ Шимкевичь ставитъ—*вѣтить*, а Рейфъ—*вѣтовать*. Мнѣ кажется, что онъ принадлежалъ въ одной семьѣ съ глаголами *реку*, *теку*, и что его настоящее время было *вѣку*, а неопредѣленное наклоненіе — *вѣчи́* или *вѣчь*, Санскр. *вачь*; по Церковнославянски — *вѣщи* (сходно съ рещи, тещи), по спряженію Южнорускому — *вѣчу́*, речу́, течу́, — *вѣкти́*, ректи́, текти́; по Сербскому — *вѣ́чемъ*, ре́чемъ, те́чемъ,—*вѣти*, рети, тети, и т. д. Съ этимъ предположеніемъ удобно соглашаются всѣ производныя слова этого корня: вѣтъ, вѣтій (витія), вѣче, вѣщъ или вѣщій, (*) вѣщунъ, вѣщецъ, и вѣкый, усѣченно — *вѣкъ*.—

(*) Шимкевичь справедливо замѣтилъ, что имя вѣщунъ и нѣкоторыя другія столько же относятся къ корню вѣдать, сколь-

7.—И такъ по всѣмъ соображеніямъ имя *человѣкъ*, существуетъ у насъ въ своемъ первоначальномъ, полномъ видѣ, въ которомъ уцѣлѣли всѣ звуки, въ которомъ звуки *ч* и *ѣ* суть коренные. Оно есть имя составное; и всего вѣроятнѣе, что первая половина его — *чело*, есть существительное имя, происшедшее отъ глагола *чету*, *честь*, — какъ орудіе и мѣсто человѣческаго разума или мудрости; какъ часть головы, образованіемъ которой человѣкъ видимо превосходитъ всѣхъ животныхъ. Вторая половина *вѣкъ*, по моему мнѣнію, есть отглагольное усѣченное имя, однозначительное съ словомъ вѣщій, т. е. вѣщающій и вмѣстѣ вѣдущій. Сложеніе ихъ

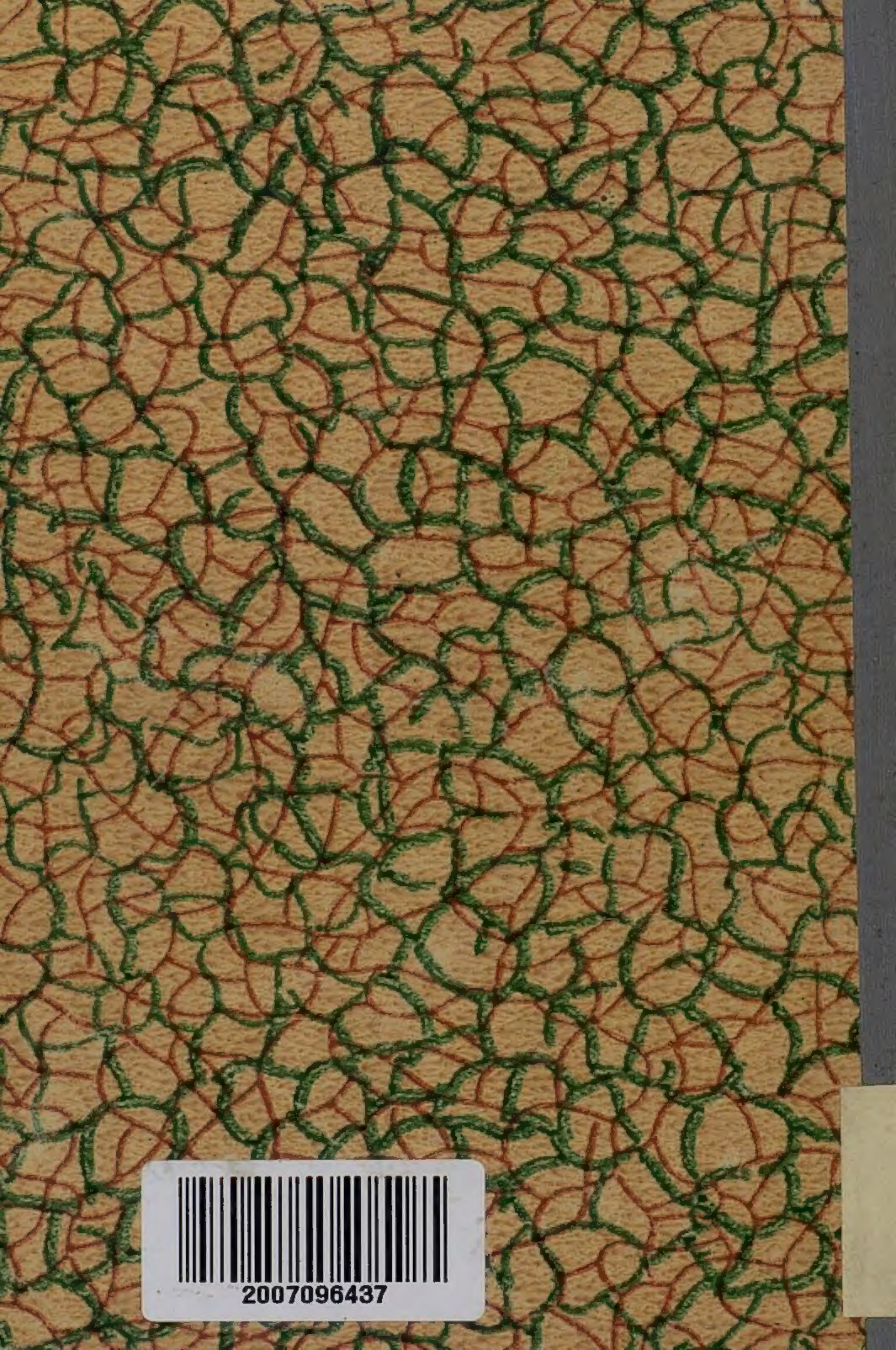
ко и къ корню вѣтить. Онъ думалъ даже, что для объясненія этого можно или предположить общій корень *вѣть*, или допустить перемѣну *д* на *т* въ глаголѣ вѣтить отъ вѣдать (Корнесл. 1. 38). Но предположивъ общимъ корнемъ—вѣть, прійдется допустить обратную перемѣну, т. е. *т* на *д*, что очень возможно, какъ показываютъ слова — сватъ и свадьба (вм. сватьба). Возможнымъ кажется мнѣ и то, что корнемъ обоихъ глаголовъ служило имя *вѣкъ*: отъ него и вѣщаю, вѣщать, и вѣдаю, вѣдать (по Церковнославянски вѣмъ или вѣдѣ, вѣдѣти). Какая бы ни была основная форма глагола вѣтить, вѣщать, — во всякомъ случаѣ онъ могъ произойти отъ имени вѣкъ; а отъ него уже глаголъ вѣдати или вѣдѣти (по Санскр. *видъ*). Таже перемѣна *т* на *д* видна на этомъ глаголѣ и въ рѣчи Нѣмецкой: въ Готск. vitan, въ Исл. vita, въ Швед. veta, а въ Датс. vide. Это производство обоихъ глаголовъ отъ имени *вѣкъ* ведетъ еще къ мысли, что въ первобытной Славянщинѣ, въ одномъ этомъ имени могли соединяться понятія: о вѣчности и ея дѣленіи на разные сроки времени, о вѣщаніи или голосѣ, и о вѣданіи, т. е. знаніи и смотрѣніи. Но все это не болѣе какъ гаданіе, которое можетъ быть и не въ попадъ.

въ одно имя произошло по господствующему способу Славянскаго словосоставленія, и выдерживаетъ, кажется, всѣ филологическія условія.

Звуки слова прямые проводники къ смыслу, который ими высказался; и такъ какъ имя человѣкъ составилось въ самой рѣчи Славянской, то въ немъ заключается и собственное Славянское понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ *разумновѣщемъ*.

Вѣрно ли мое истолкованіе, рѣшить это уже не мое дѣло. Съ своей стороны я прибавлю еще слѣдующее. Человѣкъ первоначальный и главный (по отношенію къ женѣ) у нашихъ праотцевъ былъ отличенъ именемъ *мужъ*; да и въ мужескомъ полѣ этимъ именемъ отличали потомъ человѣковъ избраннѣйшихъ по своему дарованію, званію, возрасту. Это конечно потому, что именемъ мужъ выражено высокое понятіе, или лучше сказать общечеловѣческое преданіе о сотвореніи *перваго* человѣка самимъ Богомъ. Ибо мужъ (по Польски манжъ и монжъ) есть сокращеніе полнаго имени *мануджа*, которое въ языкѣ Индовъ составлено изъ ману—творецъ міра, и джа—рожденный (Корнесл. 1. 50). Имя *жона* или *жена*, по Санскритски *джани*, значитъ рождающая, отъ джанъ—рождать. Такъ различены въ Индской рѣчи, а отъ нея и въ Славянской, два человѣческіе пола. Но у Славянъ они подведены еще подъ общее, родовое имя—*человѣкъ*, равно идущее обоимъ поламъ; имя, которымъ обозначаются Славяне и Нѣмцы и Чудь, и всѣ люди. Въ Нѣмецкой рѣчи такое родовое значеніе дано слову мужъ (mensch). Впрочемъ у Южно-Русскаго народа имя *человѣкъ*, присвояется преимущественно супругу

и вообще взрослому мущинѣ, въ отличіе отъ *жонки*. Тоже у Чеховъ и Сербовъ: имя *чловѣкъ*, *човѣкъ*, употребляется вмѣсто мужъ, въ значеніи супруга. Такимъ усвоеніемъ его преимущественно мужу и мущинѣ конечно выражается предпочтеніе ихъ передъ женою и женщиною, которое было искони, да и теперь еще ведется, особенно у Славянъ Черногорскихъ.

2007096437